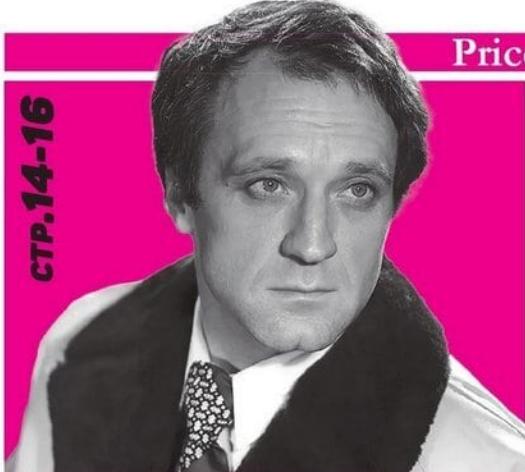

Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

СТР.14-16

БАЛОВЕНЬ СУДЬБЫ

СТР.8

МУРАКАМИ
КАК
ОН ЕСТЬ

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

Бульварные новости

№2 (83)
январь 2022

СТР.6-7

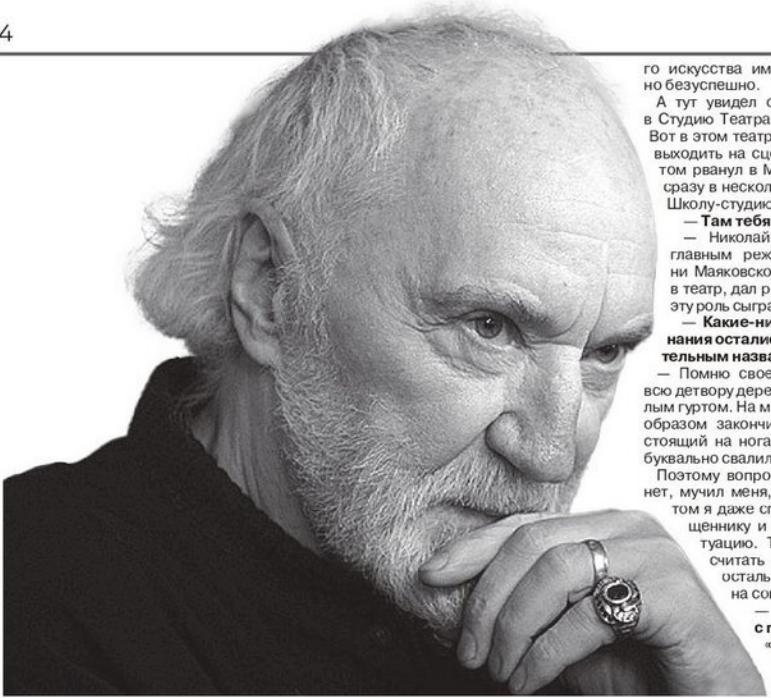

ТАМАРА
ГВЕРДЦИТЕЛИ.
НЕСРАВНЕННАЯ

СТАРЫЙ
НОВЫЙ ГОД:
ПАРАДОКСЫ
НЕОБЫЧНОГО
ПРАЗДНИКА

СТР.17

БАЛОВЕНЬ СУДЬБЫ

Геннадий Норд

Это случилось в октябре 2013 года. В Малом зале Центрального Дома литераторов какое-то мероприятие. На нем надо было обязательно, но очень не хотелось. Поэтому я побродил по вестибюлю, посетил физионому перед теми, кем надо, а в зал после начала не пошел, сел на топчан в вестибюле. Думая: «Посижу минут двадцать, пусть мероприятие наберет обороты, и отчую».

Через какое-то время ко мне подсаживается опоздавший Борис Химичев.

— Почему в зал не идешь?
— Не хочу, — отвечает.
— Вот и я не хочу, — говорит он. — Что собираешься делать?
— Не знаю. Думаю.

— А поехали в одно широкарочное местечко, — предложил Борис. — Ты там точно не бывал.

Это был рестораник грузинской кухни всего на четыре столика, спрятавшийся во дворе одного из арбатских переулков. Бориса я бы его никогда не нашел. Место только для своих.

На стенах картины кавказских гор, а в центре большая фотография Бориса Хмельницкого.

— Мы тут с Борей часто сидевали, — поженился Химичев. — Любил он это место.

Это был незабываемый вечер. Мы пили вино, болтали о жизни и все это на фоне обалденного приема, который устроили нам хозяева заведения и из-за нас не закрывали ресторан до шести утра.

...Когда смотришь на этого актера, думаешь — он был создан для этой профессии! Бог наградил его талантами по полной: рост, фактура, выразительное лицо, офицерская осанка, глубокий голос, манеры потомственного дворянин... Яркий и харизматичный.

Его фильмография огромна, что ни год, то несколько мощных, интересных ролей. Его герои всегда умны, красивы и любебильны, даже если это кровеные злодеи, которых он перенес на головы много и с удовольствием.

го искусства имени Карпенко-Карого, но безуспешно.

А тут увидел объявление про набор в Студию Театра имени Ивана Франко. Вот в этом театре и начал со временем выходить на сцену в массовках. А потом рванул в Москву. Сдал экзамены сразу в несколько училищ, но выбрали Школу-студию МХАТ.

— **Там тебя и заметил Охлоков?**

— Николай Павлович был тогда главным режиссером Театра имени Маяковского. Он пригласил меня в театр, дал роль Ясона в «Медее». Я эту роль сыграл более двух тысяч раз.

— **Какие-нибудь яркие воспоминания остались от деревни с удивительным названием Баламутовка?**

— Помню свое крещение... Собрали всю деревню деревенскую и крестили целим гуртом. На мне обряд неожиданным образом закончился, потому что едва стоящий на ногах пьяный поп на меня буквально свалился.

Поэтому вопрос — крещенный я или нет, мучил меня, пока я не вырос. Потом я даже специально ходил к священнику и рассказал ему эту ситуацию. Тот успокоил: можешь считать себя крещенным, все остальное пусть остается на совести попа.

— **А вдруг вместе с пьяным попом на тебя свалилось божье благословение?**

— Хотелось бы верить... Но с тех пор хожу в церкви крайне редко. Не люблю, когда там много людей, мне кажется, на публике все показное. Вера — это что-то тихое и уединенное.

Впрочем, и в жизни я больше люблю уединение. Побить одному для меня лучше всего.

— **Интересно, как в украинском селе ты сумел приобрести такой характерный русский выговор и вообще отличную речь?**

— Это уже навыки профессии. Я ведь давно в Москве, а сценическая речь это главное оружие актера. Настоящая русская речь в детстве услышал впервые, когда мы были в эвакации, на Волге. Может, оттуда еще что-то и зацепилось в выговоре.

— **Как тебе занесло в театр? Мысли об искусстве не очень характерны для сельского мальчика.**

— Не могу сказать, что о театре я мечтал с детских лет. Как и не могу похвастаться, что род в семье, где велись литературные и театральные беседы. Отец был председателем колхоза, мама учительница. К сожалению, нас, троих детей, она оставила рано, умерла молодой. Детство было по-настоящему деревенским, с нехитрыми радостями: коньки, привязанные к валенкам, игонки по первому льду ставка. Летом работал в поле, подвозил воду на лошадях, собирал колоски...

Перспективы будущей жизни мне казались заоблачными, нереальными. Когда-

да меня обижали, я мечтал добиться до танка. Знал, что километрах в пяти, в болоте, стоит брошенный танк. Вот сяду в него, приеду и всех обидчиков нахаху!

Из-за своей болезненности дружбе с малчишками я предпочитал одиночество. Самой большой радостью были приезды кинопредвижки. В любую погоду — по расписанию, в дохажд — я спешил в клуб, чтобы посмотреть кино, и это было самой большой радостью. Мечтал окончить школу и поступить в институт.

— **Не театральный?**

— Конечно, не театральный. Подал документы во Львов, меня зачислили на факультет разработки нерудных мест. Но поскольку я из деревни, мне не хотелось обратно. Хотел попасть в город, в столицу, чувствовал, что там настоящая, интересная жизнь. И в полной мере ощутил это, оказавшись в Киеве, и поступил в университет.

— **Ты ведь серьезно спортом занимался?**

— Во время учебы познакомился со студенткой биологического факультета, дочерью академика, стал бывать у них дома. Она ввела меня в круг своих знакомых, это были литераторы, художники, ученые, музыканты, студенты театрального института. Вот в то время серьезно занялся спортом. Болезни меня уже оставили, я активно тренировался, занимался своим телом.

Когда мы с друзьями выходили на киевский пляж, высокие, загорелые, с начищанными мышцами, это было зрелище! Мы приковывали к себе взгляды всех девушек и женщин. Потом я стал купаться зимой, и первой моей публикой были зваки, которые смотрели, как я плещусь в польные Днепра. Так что желание быть на публике со временем крепло.

— **Такого парубка в театральном только за одну внешность должны были оторвать с руками и ногами!**

— Ну, а мне «с руками и ногами» от ворот поворот! Но, к счастью, принял в Студию Театра имени Франко. Дебютировал в спектакле «Чыганка Аза» в роли старшего брата Гали, которую играла великолепная Ольга Кусенко. Я так волновался, что не мог сказать ни слова, только усы приклеились мелко-мелко дрожали. Кусенко произнесла весь текст сама, и за себя, и за меня.

Помню замечательных артистов: Наталью Ужвий, Марьяну Крушельницкого, Гнату Юру, Амвросия Бучму, Михаила Заднепровского, Виктора Цымбалиста и многих других. Это была та самая знаменитая украинская театральная школа, которая не утратила для меня очарования и до сих пор.

— **В Школу-студию МХАТ ты поступил уже в «критическом» возрасте.**

— Да, в 27 лет. Я был самым старшим на курсе. Днем учился, ночью работал в депо, чинил московские троллейбусы. Первое время приходилось трудно, жил бедно, одевался скромно. Оперился как-то лишь году в 70-м, когда пошел работать в Театр Маяковского и начал сниматься в кино. Тогда и квартира у меня появилась. Первая, однокомнатная.

— **К тому времени ты уже женился?**

— Впервые это случилось, когда я еще квартиры не имел, а жил в подсобке, почти на чердаке, в Театре имени Маяковского. Было не очень комфортно, но зато до работы близко. Однажды я так расслабился, что опоздал на свою вывод в «Гамлете».

Первый мой брак был типичной ошибкой молодости. Жена работала учительницей, и очень быстро сказалась разность интересов. Месяца через три мы расстались.

Но с тех времен у меня осталась в памяти бурный роман с Татьяной Лавровой, которую я увидел в «Чайке», где она играла Нину, и влюбился без памяти. Сидя ночью в своем депо, когда не было работы, я написал и отоспал ей любовное признание, но не подписано.

Со временем мы познакомились. Таня пригласила меня на другой свой спектакль — «Двоих на качелях». Потом стали встречаться, и постепенно она додогадалась, что я автор того объяснения.

Это были замечательные, красивые отношения. Но однажды у нас на курсе шел показ студенческих работ. Я выхожу

С Никитом Сафоновым и Зинаидой Кириенко

на сцену и вижу Лаврову среди преподавателей. Не помню, как и что я играл. После показа она не подошла ко мне и сразу ушла. Я помчался к ней домой, долго мне никто не открывал, наконец, дверь открыла Танина мама и сказала, что Таня просила передать, что ее для меня больше нет. Через много лет, когда случайно мы встретились с Татьяной и разговорились, на меня нахлынули воспоминания. Я не удержалася и спросил, почему она тогда так решительно ушла.

Лавровова ответила — то, каким она увидела меня на сцене, привело ее в ужас. А я закомплексованным был в молодости. Да и вообще не отличалось самомнением, у меня абсолютно отсутствует актерское тщеславие. Может, это и плохо, потому что без определенных ощущений в этой профессии существовать нельзя. Но один плюс в моей неуверенности присутствует. Я за свою жизнь не отказалася ни от одного творческого предложения, соглашалася на все.

Желание что-то понять про себя, про профессию, про то, почему же я ее все-таки выбрал, привело к тому, что судьбаоказалася ко мне благосклонной. В итоге более 120 фильмов, спектр характеров широчайший: князья, рецидивисты, священники, дворяне, рефлексирующие интеллигенты, генералы и масса всякого разнообразнейшего.

— Вот эта черта ни от чего не отказывается, может, сыграла свою роль в том, что ты не отказывался и от женщин? Ведь только официально у тебя пять браков.

— Здесь гордиться особо нечем. Хотя все мои браки — свидетельство серьезного отношения. Во мне крепко сидело деревенское воспитание: сблизился с женщиной — надо жениться. Если бы мои супружества были по времени где-то одинаковыми, за этим можно было бы усмотреть определенную систему. Пожили лет 10, разочаровались — и до свидания. Но мой первый брак длился три месяца, второй, с Татьяной Дорониной — 10 лет, третий полтора года, четвертый две недели, пятый до конца.

С Геннадием Нордом

— **Про брак с Дорониной давай подробнее.**

— Пять лет мы были официально расписаны, потом развелись и еще пять лет, подобно скорпионам, жалили друг друга, мучили и не могли окончательно расстаться.

О Татьяне Васильевне мне приятно вспоминать, и я могу сказать о ней только прекрасные слова, поскольку жизнь с ней — это огромный, значительный пласт моей жизни. Таня — удивительный пример того, на какую жертвенность способна женщина ради карьеры. Употребляю это слово в положительном смысле. Доронина красивы и умна, у нее замечательная библиотека, которая существует не для интерьера.

Думаю, Татьяна — единственный человек из нашей актерской среды, который постоянно занимается самообразованием. Сколько она всегда читала! Количества ею прочитанного меня просто поражает по сей день. При этом, что она из скромной, обычной семьи. Мама би-летер, папа повар. Росла, не имела большого достатка, приехала в институт, как мне рассказывала, только с одной подушечкой.

— Как вы познакомились?

— Когда я поступил в Школу-студию МХАТ, Доронина уже блестала в ленинградском Большом драматическом, и у моего педагога только и было, что разговаривать с своей талантливой ученице; Таня стала Танечкой. Так что я был о ней наслышан задолго до знакомства с ней.

Наша первая встреча произошла, когда Таня уже стала известной после «Трех тополей на Плющихе». Я неожиданно получил предложение приехать на пробы в картину «Еще раз про любовь», на роль, которую в результате сыграл Александр Лазарев.

Приезжал на «Мосфильм», меня ведут в премьеру, где уже сидит Доронина. Таня оценивающе смотрела меня с ног до головы (навсегда запомнил этот смущенно-небрежный взгляд), сказала своим неповторимым голосом: «Здра-а-с-ть!», и отвернулась к зеркалу.

После этого я вышел из гиммерной в полном смятении и выпалил ассистенту: «Передайте мадам, что не только играть с ней, даже пробы делать не буду». Это сказала моя очень нелегко, я уже тогда был ее очарован, а уж как в кино сниматься хотелось! Тем не менее, ее поведение меня задело, и я из-за своей строптивости потерял роль в таком замечательном фильме.

— А потом?

— А потом мы встретились в Театре Маяковского и оба сделали вид, что видимся впервые. Тогда театр возглавил Андрей Гончаров, который провел значительное обновление труппы. Пришли Леонов, Самойлов, Павлов, Джи-гархянин, Гундарева, я вернулся после недолгого ухода, тогда же из МХАТа перешла в «Маяковку» и Доронина. Правда, ее приход никого из актеров особо не радовал. Конкурировать с ней было сложно, моего возвращения тоже никто не ждал. Поэтому мы оказались как бы на разных веяниях группировок, что нас и сблизило.

— Вы вместе играли на сцене?

— Сыграли любовников в спектакле «Виват, королева!». Особенных любовных эпизодов у нас не было, но руку я ей целовал выразительно и страстью, опустившись на колено.

— Так зародилось чувство?

— Мы понимали, что начинаем чувствовать друг к другу нечто большее, чем просто коллеги по сцене. К тому времени Доронина уже развелась с Радзинским, я тоже был свободен, поэтому, как только представился случай, а это случилось на гастролях в Новосибирске, мы оказались в одном номере.

Вернувшись в Москву, решили пожениться. В 1973 году нам обоим было по 40, мы имели за плечами супружеский опыт, так что большую свадьбу разделять не захотели. Пошли в районный загс и без всякой торжественности расписались. Таня надела нарядное платье, я был в своем любимом ярком свитере. Помни любовь работы работников загса, обежавшихся поглядеть на Доронину. Потом праздновали, сидели за столом, где посаженным отцом был Андрей Александрович Гончаров. Медовый месяц провели на Рижском взморье.

— Вы были красивой парой!

— Я тоже так думаю. Но так случилось, что многое пришлося испытать. Яркость идарование Дорониной, ее не простой характер — все имело значение. Кроме того, что не только ее друзья стали моими друзьями, но и ее враги стали моими врагами. Сейчас, размышляя о времени, проведенном с Татьяной, думаю, мне просто не хватило ума сохранить отношения. Когда мы где-то появлялись вместе, а я это очень любил, все восклицали: «Ах, к нам пожаловала Татьяна Васильевна! А это ее муж». Наверное, тебе легко представить мои чувства?

— Но ведь ты же не тщеславен.

— Не тщеславен. Но большее всего меня задевало то, что Таня в этот момент не приходила ко мне на помощь. В чем это должно было выражаться, я не знаю, может, в каком-то особенном взгляде, присоскновении, выделении меня из толпы ее окружавших. Мне казалось, что в такие моменты она просто забывала, что я рядом.

— Дома вы не обсуждали такие моменты?

— Нет, до обсуждения этого я не опускался. Подобные разговоры точно не определили: ты — звезда, а я — ничто!

Нет, речь о более глубокой травме, неожиданном выяснении, кто из нас лучше. Дело в том, что безусловным авторитетом в нашей семье была Таня, а я все-таки мужчина самостоятельный и, как та породистая лошадь, время от времени взбрыкивал. Мною руководило желание быть понятным, я хотел, чтобы женщина, находящаяся со мной рядом, управляла мое состояние. Тут дело не в амбициях.

— Скорились?

— После моих «взбрыкиваний» мы на несколько дней расставались, я сбегал в свою однокомнатную квартиру. Надо сказать, Таня всегда первая шла на примирение. Бывало, встремляясь на спектакль, кланяется, а она мне шепчет, что у нее тяжелые сумки, не помогли ли я отнести их домой? Я, конечно, соглашалася, и все становилось на свои места. Правда, до следующего взбрыкивания.

— Ты помогал ей по хозяйству?

— А как же! У нас было уютная квартира на Арбате, обставленная старинной мебелью, соответствующая вкусам своей хозяйки: антикварiat, уют и порядок. Домработницу никогда не держали, я с удовольствием выполнял все домашние дела. Пойти в магазин для Тани проблема, а мне запросто.

С Аллой Харитоновой

— Кухней тоже ты занимался?

— Я любил готовить. Блюда и русской, и украинской кухни мне хорошо удавались.

— Это все-таки противостоятственно, когда в семье однозначно верховодит женщина.

— Таня была лидером, и точку поставила она. У меня не хватало сил самому расстаться с красивой, умной, талантливой, чистоплотной, начитанной, замечательной, обладающей целим перечнем редких достоинств женщиной.

После очередной размолвки я уехал на съемки и самолюбие не звонил, показывая свою независимость. А когда вернулся, она мне на спектакле шепнула: «Я замуж выхожу».

— После развода общались?

— Мы расстались в 1982 году. Прошло много лет, и нигде, ни при каких обстоятельствах мы больше не пересекались. Не понимаю, когда говорят: мы развелись, но сохранили хорошие отношения. Зачем тогда разводились? В том, что мы не стремились никогда увидеться, усматривая момент взаимного уважения, не нужно ворошить прошлое. Хотя я как-то пошутил, что если бы возглавил МХАТ, то на одну из ролей обязательно пригласил бы Доронину.

— Ни разу с ней нигде не сталкивались?

— Я не общалась с бывшими женами. И нигде мы не сталкивались. Этим и замечательна Москва: можно тридцать лет прожить и ни разу не встретиться с бывшей женой.

— Но Доронина пришла в Дом актера на празднование своего 80-летия и очень душевно тебя поздравила. Это был ее внезапный порыв?

— Я ее пригласил. Позвонил и сказал: «Татьяна Васильевна, вас беспокоит бывший муж от четвертого брака». Я у нее был от четвертого брака, она у меня — от второго брака. Представь себе, она сразу меня узнала. Татьяна Васильевна не сказала ни «да», ни «нет», держала меня в напряжении до самого выхода на сцену. Она, прежде чем что-то сделать, серьезно взишивалась. Ей так по положению положено. И я счастлив, что она пришла на мой юбилей. Значит, не зря мы были вместе.

— Жалеешь о разрыве с Дорониной?

— Очень жалею. Как и о том, что у нас не было детей. Я очень хотел, чтобы Татьяна родила мое ребенка. Но она была Актрисой с большой буквы, подчинившей профессии всю свою жизнь. Беременность и роды не совпадали с ее творческими планами. Думаю, она теперь тоже сожалеет об этом. Где-то я читал ее интервью, в котором она сказала, что всех своих мужей считает «талантливыми, красивыми, лучшими мужчинами на свете», после чего рассказывала всех по своим местам: Басилавши — самый интеллигентный, Радзинский — самый близкий, Химичев — самый нежный, внимательный и хозяйственный. Ну что ж, мне достались не самые плохие характеристики.

— Вам было уютно вместе?

— Иначе мы не сидели бы на диване, каждый со своей книжкой. Наша любимая поэзия — валет. Она в одну сторону, я в другую. Я не знал другой актрисы, у которой была бы такая роскошная библиотека прочитанных книг. Она читала книги запоем. Нам нравилось разбирать

С женой Галиной Сизовой

С Борисом Красновым

С Татьяной Дорониной

Окончание. Начало на с. 15

чеховскую пьесу «Чайка». Татьяна Васильевна была Аркадиной, я — Тригориным. Мы купались в том, что играли наши отношения на сцене. Нам было очень хорошо вместе. Татьяна Васильевна женщина, одаренная во всем, особенно в любви. Она делает мужчину мужчиной.

— Она тебя ревновала?

— Мой организм запрограммирован на флирт. Я смотрю на женщин, отмечая цвет волос, походку, при этом даже не важно, будет ли продолжение. А если женщина делает пальчиком «иди ко мне», то все. Да, наверное, я давал неосторожные поводы. Был случай. Мы сели в лифт, за нами зашла девушка. Нам надо было на 9 этаж, девушка нажала кнопочку «8». Когда лифт остановился на 8 этаже, девушка подняла ногу, чтобы выйти. Татьяна Васильевна дала ей хорошего пинка под зад. Лифт закрылся и поехал дальше. Я рассмеялся: «Таня, ты чего? Нельзя же так!». Она сказала: «Ты куда смотришь?». Наверное, я как-то неосторожно загляделся.

— В конце концов, жене надоело удерживать мужа?

— Нет! По характеру мы с ней достаточно объемные, и упростить наши отношения до банальности, что я «где-то чего-то», а она ушла к другому, нельзя. Эта история не о такой породистой паре, как мы. Мне нравилось, что когда яшел с Татьяной Васильевной по улице, все на нас смотрели. Я понимал, что внимание привлекает Доронина, но на меня тоже поглядывали.

— То есть если бы в те годы у тебя был нынешний опыт, ты вел бы себя по-другому?

— Думаю, мы никогда бы не рассстались. Сейчас после моих побед и потерять я могу разговаривать с ней о жизни на равных, а тогда заглядывал ей в рот. Еще стал утомлять ее тем, что иногда ревновал к самому себе. Мне казалось, что она не так на меня посмотрела, то не так мне сказала. Я взирался на нее вниманием от меня усталым — это послужило причиной разрыва. Но ей тяжело было со мной расстаться. Пять лет мы прожили в законном браке, официально развелись, и еще пять лет жили вместе. А потом мы опять поссорились на гастролях.

Ее последний муж был по-своему очаровательным, высокий, неглупый, в то время крупный чиновник. С ним Татьяна Васильевна на какое-то время могла обрести надежную опору.

— Ваш расставание стало причиной и твоего ухода из театра?

— Мы оба ушли. Доронина во МХАТ, я в Театр Моссовета. Это был тот момент, когда мы поняли, что все надо кардинально менять.

— В своем последнем браке ты был счастлив?

— Да. Меня этот брак устраивал во всех отношениях. Так случилось, что нашел свою судьбу, прожил с женой Галиной почти 25 лет, и уже два года, как вдовец.

— Как часто ты снималась?

— Мешками мне сейчас роли не предлагаются. Недавно отказался от одной картины матерю. Лежал в больнице, мне позвонили: «Знаете такого режиссера? Он очень хочет, чтобы вы у него снялись!». На следующий день привезли в больницу огромный талмуд, моя роль генерала Кацура. Я, довольный, думал, вот сейчас почитаю. Открывая первую страницу: подъехала «Волга», вышел генерал Кацура, прошел перед строем, поприветствовал солдатиков, сказал, что их расформировывают, но он не оставит в беде, сел в машину, уехал. Читая дальше, нет больше нигде генерала. Потом на последней странице: подъехала «Волга», вышел генерал Кацура, прошел перед строем, сказал, что он же им говорил, что не оставит в беде. Позовите ассистент режиссера, спросил, как мне сценарий. Я ему сказал: «Вы что там совсем... У меня за спиной одних фильмов 120. Здесь роли нету. Сколько вы хотели мне платить?». Он ответил: «За два дня по тысяче долларов». Я сказал: «Да я меньше, чем за три тысячи не чихну». В этом фильме ни денег,

С Александром Пашутинным

ни славы. Недавно я снялся в сериале, так они мне платили за съемочный день по 100 тысяч рублей. Я с головы не помираю. Хорошо живу. У меня трехкомнатная квартира в центре, недалеко от «Маяковской» и домами в четыре этажа за городом.

— Ты обеспеченный и человек и живешь в веселом расположении духа?

— Помирать неохота. Честно скажу: у меня как наваждение: вечером ложусь и думаю: «Господи, утром могу уже не проснуться». А так еще хочется повернуть, поболтать, покуряжиться.

— Где недавно снялся?

— Недавно закончили съемки у замечательных режиссеров Краснопольского и Ускова в фильме «Дом с лиями». Роль у меня не главная, но любопытная. Еще сыграл небольшую роль в украинском фильме «Последние коридоры». Кине меня не забывает. Не скрет, что я — один из первых, кто снялся в этом фильме.

Еще сыграл небольшую роль в украинском фильме «Последние коридоры». Кине меня не забывает. Не скрет, что я — один из первых, кто снялся в этом фильме. Это правильно и логично, потому что молодой человек может быть показан в развитии, в перспективе. А я, со своим жизненным опытом, по-хорошему должен играть или Льва Толстого, или деда Щукаря. Кстати, мечтаю о том, чтобы кто-то из режиссеров разглядел во мне сходство с историческими героями.

— Так ты похож и на Льва Толстого, и на Ивана Грозного...

— Могу называть еще с десяток великих людей, на кого я похож. Но надо, чтобы эти сходства разглядели во мне другие. В фильме «Физики» я сыграл человека, который выдавал себя за Альберта Эйнштейна. Судя по отзывам, я сильно напоминал знаменитому фотографию Эйнштейна. Еще мне выпала удача сыграть ведовью Мосальского в фильме Сергея Бондарчука «Борис Годунов». На мой взгляд, Сергей Федорович был тем режиссером, который не учил актера, как играть, а помогает ему с организацией пространства, как бы наполняя творческим ароматом съемочную площадку, создавая настроение всем участникам процесса.

— Как вы познакомились с Сергеем Бондарчуком?

— Первая наша встреча состоялась, когда я еще учился в Школе-студии МХАТ и попал в массовку фильма «Война и мир» на бал Наташи Ростовой. Я был высок, строен, на меня надели красивый мундир, и я из всех сил старался привлечь внимание знаменитого режис-

сера. Но, видимо, так сильно старался, что оказался вне павильона.

Спустя довольно много лет, волею случая я оказался на съемках в одной картине с Ириной Скобцевой. Я играл мужа ее героини, который по сюжету был моложе и переживал по этому поводу довольно сильно. Ирина Константинова играла женщину-профессора, интеллектуалку, особу властной. Сергей Федорович иногда приходил на съемки и смотрел на нас со стороны. Через некоторое время меня пригласили на роль Мосальского в «Борисе Годунове», замечу без проб. Когда Сергей Федорович оценивал грим, он наклонился ко мне, и прошептал: «Может, самого побороть?». Конечно, я знал, что Годунова будет играть сам Бондарчук, и несколько нагло ему ответил: «Есть актер, который на эту роль уже утвержден, и мне бы не хотелось его травмировать!».

Я счастлив, что с этого момента был вхож в дом Сергея Федоровича и Ирины Константиновны. Сергей Федорович был домашним, мягким, компанийским, в его присутствии я чувствовал себя замечательно. Был бы он жив, я бы точно у него снимался.

— Ты работала в кино на одной площадке с молодыми актерами, в том числе выпускниками Школы-студии МХАТ. Что ты думаешь о современном уровне профессиональной подготовки актеров?

— Уровень профессионализма на «пукалах» и «стрелялках», которые сейчас снимают, не повысился. Надо играть тот материал, который позволяет раскрыть душу актера, заглянуть ему в глаза. Только такой материал приводит к накоплению опыта, впечатлений, и в результате способствует тому, чтобы актер стал мастером, а не ремесленником. Подвижки в этом направлении я вижу: и взрослые актеры стали необходимости, и молодняк поумнел, и кино стало не таким пугающим бесценнительным, как было еще пару лет назад.

— Неужели у тебя никогда не было желания делиться своим опытом с молодежью?

— Никогда. Я бы вообще закрыл все театральные институты. Было бы целесообразно воспользоваться итальянским опытом подготовки певцов, когда студент заключает с мастером договор, согласно которому в течение десяти лет выплачивается за обучение проценты из своих гонораров. Я бы набирал в ак-

терскую профессию людей с образованием, с опытом. Нет смысла актерскому мастерству учить четыре года. Азы можно постигнуть в течение двух лет. В нашу профессию надо приходить с образовательным цензом, с пониманием жизни и людей, с умением сострадать, чувствовать. А ведь набирают мальчиков и девочек со школьной скамьи, которые даже в себе-то не могут разобраться!

— В последние годы некоторые критикуют систему Станиславского...

— никто сегодня не понимает в системе Станиславского. Подозреваю, что в этой системе разбираются только один человек, сам Константин Сергеевич. Система Станиславского — еще одна легенда, которую мы придумали, а теперь все беды на нее и сваливаем. Я считаю, что каждое поколение должно придумывать и развивать свою систему, а не искать причины неудач в кем-то созданной системе.

— Мы с тобой часто сидим в жюри разных конкурсов, и я видел, что ты очень строгий судья.

— А без строгости нельзя. Критика не должна убивать человека, если он понимает, что это стимул к совершенству.

— Ты замечательно читаешь стихи, поешь, рассказываешь о своей жизни на встречах со зрителями. Чем еще можешь удивить?

— Начал танцевать танго. Разумеется, люблю читать стихи, пою вместе с друзьями актерами в Амсамбл гильдии актеров кино «Генофонд». Мы много и с удовольствием гастролируем. Анекдоты рассказывают. А вообще даже стриптиз могу.

— Ты когда-нибудь вспоминаешь ситуацию, когда круто изменили твою жизнь? И, может быть, тебе хотелось бы что-то поменять в ней?

— Жизнь можно подвергнуть ревизии только в мыслях, но настает время, когда даже это делать просто бессмысленно. Да и зачем ворошить прошлое? Прошлые удачи или неудачи я не вспоминаю... но вижу смысла. Сегодня я живу только настоящим. У меня есть друзья, которые меня понимают и с которыми меня много связывает, у меня есть моя работа, и я по-настоящему счастлив, что это все у меня есть. Я востребован как актер, как друг и как собеседник — что еще может пожелать себе человек в моем возрасте? Только, пожалуй, здоровье.

— Но характер у тебя сложный!

— Ты прав, характер у меня не из лучших, я подвержен самоодеству, и моя язвительность отражается не только на мне.

— А как ты сражаяешься со своим са-моодеством?

— Спасает самоирония и вообще ироническое отношение ко всему, что окружает. Это, в принципе, смешит, но иногда и мешает, в том числе людям, которых рядом. Но, как говорится, что есть, есть, отакий я хлопец! Кстати, мне очень нравится байка о том, кто такой украинец, а кто такой хохол.

— И в чем между ними разница?

— Украинец — это тот, который живет в Украине, а хохол — человек, который живет там, где хорошо.

— И поэтому ты живешь в Москве...

— Да, и меня эта жизнь устраивает. Имею правительственные награды, звание народного артиста России, десятки ролей в кино и театре. Поэтому оглядываюсь иногда на пройденный путь и думаю, что я — баловень судьбы.

С Аристархом Ливановым

С Сергеем Никоненко